

Психология в послевоенной советской школе: забота партии о детях

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. Автор вспоминает о таком явлении в советской школе и психологической науке, как введение уроков психологии в среднюю школу после Великой отечественной войны. Причин для этого исследователи называют несколько: рост статуса психологии в обществе, вызванный войной; еще до войны было решено ввести единое философское образование и по поручению ЦК ВКП(б) Институт философии получил подготовить соответствующие учебники для школ; к началу 1950-х гг. завершилось окончательное формирование советской школы как «сталинской гимназии». Автор считает, что психология как учебный предмет в школе выполняла идеологическую функцию.

Ключевые слова: Великая отечественная война, уроки психологии в школе, Постановление ЦК ВКП(б).

Psychology lessons in Soviet schools after the war: the party's concern for children

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. The author recalls such a phenomenon in the Soviet school and psychological science as the introduction of psychology lessons in secondary education after the Great Patriotic War. Researchers write about several reasons: the growth of the status of psychology in society, caused by the war; before the war, it was decided to introduce philosophical education, and on behalf of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks the Institute of Philosophy was ordered to prepare appropriate textbooks for schools; by the early 1950s the final formation of the Soviet school as «Stalin's gymnasium» was completed. The author believes that psychology as an academic subject at school performed an ideological function.

Keywords: The Great Patriotic war, lessons of psychology in the school, the Resolution of the Central Committee of the Communist party.

Встретив словосочетание «советская психология в годы Великой Отечественной войны», заведомо знаешь, что авторы будут описывать, как в тяжелых условиях военного быта советские психологи успешно проводили научную деятельность. Историография этого вопроса, вероятно, лучше всего описана в книге В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника [12], дополнена исследованиями А.А. Леонтьева, Н.А. Логиновой, О.Г. Носковой и др. авторов [2; 9; 14; 15; 18; 19]. Отдавая дань уважения коллегам, углубившимся в эту непростую тему, отметим главные тенденции и характеристики в функционировании советской психологии в годы Великой Отечественной войны: «активное включение психологии в разработку конкретных практических проблем, поставленных в повестку дня требованиями военного времени; существенное усиление прикладных военно-психологических разработок в общей структуре проводимых исследований; формирование новых организационных форм взаимодействия психологов и исследовательских структур в сфере психологии; существенное влияние психологии на укрепление такого фактора объединения людей как активное национальное самосознание. Несмотря на приоритетное значение в годы войны прикладных и научно-практических разработок в советской психологии продолжалось активное изучение общепсихологических проблем» [12, с. 143]. Те же исследователи говорят о существенном воздействии военного периода на развитие психологии, что проявилось в:

1) получении большого эмпирического материала, позволившего после войны подготовить ряд фундаментальных работ обобщающего характера, которые на многие годы определили развитие отдельных отраслей психологической науки (нейропсихологии, военной психологии, психофизиологии, психологии здоровья);

2) росте статуса психологии в обществе (создание и финансирование государством новых исследовательских, образовательных и координирующих психологических центров; увеличение общего числа психологов; введение психологии как обязательного для изучения предмета в средней общеобразовательной школе; присуждение ряду психологов и психофизиологов правительственных наград и премий; в негласном снятии запрета на использование психодиагностических, в числе и тестовых методик, и разработку отдельных проблем психотерапии, индивидуальной психологии, социальной психологии, психологии труда и педагогической психологии);

3) зарождении новых направлений психологии – нейропсихологии, военной психологии, психологии труда, психологии познания, расширивших отраслевую структуру психологии;

4) росте региональных психологических лабораторий, учебных кафедр и формировании психологического сообщества в регионах, где до войны психологии не было.

Написанное широкими мазками красивое и победное полотно свершений советской психологии, совершённое «несмотря на все тяготы» и «благодаря мужеству и героизму» (кавычками мы показываем устойчивые речевые штампы), на самом деле давно нуждается в подробной фактологии и вызывает законный вопрос: почему этот период, переполненный драматическими и трагическими событиями, до сих пор не заинтересовал историков психологии? В приведенных выше цитатах почти каждый тезис просит развернутого ответа, например, какие большие эмпирические данные «позволили после войны подготовить ряд фундаментальных работ обобщающего характера, которые на многие годы определили развитие отдельных отраслей психологической науки (нейропсихологии, военной психологии, психофизиологии, психологии здоровья)»? И если с нейропсихологией и психофизиологией хоть что-то известно (см., например, [12; 18; 19], то практически ничего не известно о том качественном рывке в военной психологии, сделанном ей после войны. Или: какие новые психологические центры – исследовательские, образовательные и координирующие – были созданы государством после войны? сколько психологов и кого наградили правительственными наградами и премиями? когда был негласно снят запрет на использование психодиагностических, тестовых методик? Безусловно, жаль, что до сих пор не написаны истории направлений психологии – нейропсихологии, военной психологии, психологии труда, психологии познания; но о психологии труда известно, что она, будучи правопреемницей психотехники, драматически покончившей собой в 1936 г., таковой официально не стала, побоявшись начальственного окрика, фактически отреклась сама от себя, стыдливо сменив название [35; 36]. Необычайно интересным является исследование географии эвакуации педагогических институтов – тех, где были кафедры психологии – мы бы узнали направление «завоеваний», «расширений» территорий формирования психологического общества. Сейчас существуют только отрывочные сведения подобного рода, например, Белорусский государственный университет был эвакуирован в Москву, располагался на Сходне, куда пригласили еще коллег из эвакуированного в Челябинскую область Витебского педагогического института им. С.М. Кирова (сейчас Витебский государственный университет им. П.М. Машерова) из-за того, что в Челябинской области не удалось наладить работу ввиду отсутствия учебно-материальной базы и средств. Был эвакуирован Гомельский пединститут им. В.П. Чкалова (сейчас – Гомельский

государственный университет им. Фр. Скорины) в Кировскую область, а куда именно? Где размещался Могилевский пединститут и много-много других, располагавшихся на оккупированных территориях запада и юга СССР? Как проходила там их работа? Удалось ли вообще ее наладить? В настоящее время известно только исследование о вузах Северного Кавказа (25), в основном – медицинских. Что происходило в тыловых городах (например, в Кирове, Куйбышеве, Уфе, Ташкенте и многих других), где в страшной тесноте были размещены тысячи приехавших специалистов, в том числе – сотрудники психологических кафедр? И вообще, что за время – «после войны», когда советская психология шагнула вперед, аккумулировав все данные и разработки, полученные в годы войны? Хорошо бы узнать его границы... Громкие слова о великом народном подвиге пока прячут от нас конкретные факты.

Поблагодарив коллег за возможность обозначить вопросы, попробуем в общих чертах рассмотреть один из них, – о преподавании психологии в средних школах СССР, – был ли этот исторический факт следствием воздействия событий Великой Отечественной войны, выразившейся в своеобразной экспансии психологии в советскую школу.

Как известно, в XX в. в Российской империи психологию в гимназиях стали преподавать с 1905 г., у истоков «школьной психологии» стояли такие ученые, как А.П. Нечаев и Г.И. Челпанов (31, 32, 33); этот интереснейший период в истории российской школы закончился после революции, точнее – с созданием единой трудовой школы. Следующий этап истории преподавания психологии в советское время начался 3 декабря 1946 г. вышедшим Постановлением ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», где признавалось совершенно ненормальным, что в средних школах не изучается логика и психология. Тогда ЦК ВКП(б) счел необходимым ввести в течение четырех лет, начиная с 1947/1948 учебного года, преподавание этих предметов во всех школах Советского Союза. В соответствии с этим Постановлением за два последующих учебных года преподавание психологии было введено в 598 средних школах [20].

Уже в январе 1947 г. в «Учительской газете» разъясняют последующие за Постановлением действия государства, что согласно приказу министра просвещения РСФСР А.Г. Калашникова, с будущего, 1947/48 учебного года преподавание логики и психологии введут в 200 средних школах Москвы, Ленинграда, Горького, Саратова, Свердловска, Новосибирска, Куйбышева, Ростова-на-Дону, Воронежа, Казани, Молотова, Томска. К 20-му марта этого же года должны быть разработаны учебный план и программа по психологии и логике для выпускных классов средних школ. Главному управлению высших

учебных заведений Министерства предложено совместно с Управлением начальных и средних школ организовать при педагогических институтах полуторамесячные курсы по подготовке преподавателей логики и психологии из числа учителей, имеющих законченное высшее образование и изъявивших желание по совместительству преподавать указанные предметы.

Управление начальных и средних школ Министерства должно было разработать к 1 августа план введения преподавания логики и психологии во всех средних школах РСФСР в течение 4-х лет, а учебное управление высших учебных заведений должно было разработать мероприятия по подготовке преподавателей логики и психологии с таким расчетом, чтобы к 1950/51 уч.г. потребность школ в этих преподавателях была полностью обеспечена.

Вопрос, занимающий нас давно, формулировался так: почему психология в школы была введена именно после окончания войны, когда страна была разрушена, не хватало продовольствия и товаров народного потребления, народное хозяйство требовало немедленного восстановления; огненный вал прошедшей войны, прокатившись по территории Советского Союза, отметил своей страшной меткой миллионы детей, оставшихся на бывших оккупированных территориях; какое дело государству до уроков психологии и логики в школах? Может быть, в послевоенном Советском Союзе педагоги и психологи сочувственно отнеслись к трагедиям детей войны, решили обратить особое внимание на детскую душу, сделать ее сильнее? Подобным образом сделали педагоги-гуманисты Педагогического бюро средней и низшей школы за границей под руководством В.В. Зеньковского в Праге. Они, собрав детей-эмигрантов, перенесших ужасы Гражданской войны и потерю родины, часто – родителей, в своей работе поставили задачу — «заботу о душе детской, о ее выпрямлении и оздоровлении, об ее освобождении от тяжкого груза всего пережитого» [8, с. 161]. В современной литературе есть несколько точек зрения с попытками объяснить, что же заставило государство ввести уроки психологии в школы, неужели у психологии, в 1936 г. перенесшей последствия Постановления «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», появился такой авторитет?

В.Н. Кольцова и Ю.Н. Олейник, отмечая воздействие Великой Отечественной войны на развитие психологии в стране, подчеркивают, что существенно возрос статус психологии в обществе, что отразилось на введении психологии как обязательного для изучения предмета в средней общеобразовательной школе [12, с. 143].

Согласно гипотезе профессора философского факультета ЛГУ В.И. Кобзаря (10, с. 11) восстановление логики как предмета преподавания и

научной разработки началось еще до войны, с 1939 г., и было инициировано властью. В.И. Кобзарь выдвигает предположение, что это связано с письмом С.И. Поварнина И.В. Сталину. С.И. Поварнин (1970-1952), ученик А.И. Введенского, был ученым-философом, логиком. В 1916 г., став приват-доцентом Петроградского университета, работал в нем до 1923 г., до того, пока власти не предложили ему уйти. Долгие годы он не преподавал, но, не утратив интереса к проблемам логики, всегда следил за публикациями. По-видимому, почувствовав в конце 1930-х гг. изменения в идеологических установках власти, он в 1939 г. обратился к Сталину с письмом, где с недоумением писал: «Ведь и умозаключения, и доказательства существуют. Этого отрицать нельзя. И их роль в мышлении громадна. Почему же они не изучаются? Правильное изучение их должно иметь не только теоретическое, но и практическое значение. Разве умение быстро, уверенно анализировать и проверять чужие и свои выводы и доказательства – неважно для практики современного человека? А этому чрезвычайно может помочь знание состава и строения доказательств и выводов, знание видов их, с их слабыми и сильными сторонами и т.д. Теория и здесь, как и везде облегчит и ускорит достижения даже очень крупных умов, не говоря уже об умах среднего разряда... Такие существенные проблемы, как учение об умозаключениях и доказательствах, о правилах последовательности мыслей, надо поставить наново, начать работу исследования заново, на живом современном материале и в современном масштабе. Тут обширное поле плодотворной работы для молодых ученых.

Пробел рано или поздно придется заполнить. Это совершенно неизбежно. Почему же не начать эти работы теперь? Время не терпит...

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Вам так дорого развитие науки и мысли в СССР. Может быть, Вы найдете правильным и своевременным как-нибудь столкнуть и этот вопрос с мертвой точки» [5, с.140]. Именно это письмо в защиту логики, по мнению В.И. Кобзаря, было одной из причин введения ее в школы и вузы, но исторически сложилось так, что психология и логика всегда шли вместе, еще в XIX в. получив название «философской пропедевтики».

Философы Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко рассматривают преподавание психологии и логики (а также партийно-политическую учебу) в русле единого философского образования, которое должны были начаться в 1941 г., когда по поручению ЦК ВКП(б) Институт философии получил подготовить соответствующие учебники для школ. Хотя война нарушила план, но «долговременную тенденцию определяло иное обстоятельство. Тематическая программа философии формировалась под знаком канонизации “Краткого

курса истории ВКП(б)» [4, с. 173-174]. Опубликованием Постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» в ноябре 1938 г. началось формирование единой системы философско-политического образования. В Постановлении осуждалось пренебрежительное отношение к советской интеллигенции и предписывалось изучать основы марксизма-ленинизма во всех учебных заведениях, а также в многоступенчатой системе пропаганды. Положение философской науки принципиально менялось.

Именно в годы войны свершилась достаточно решительная реформа в организации учебно-воспитательного процесса, в системе образования в целом, «причем все изменения продолжали, закрепляли и в известной мере логично завершали ту смену парадигм, которая произошла в середине 1930-х годов» [6, с. 135-136], а основные направления изменений 1940-х гг. уже были сформулированы в материалах намечавшейся, но не состоявшейся реформы школы 1939-40 гг. Динамика образовательной политики выглядела следующим образом: введение начальной военной подготовки, разделение школ в крупных городах на мужские и женские, установление школьной формы, ученического билета, введение жестких дисциплинарных мер, предусматривавших наказание учащихся, включение в учебный план в конце 1940-х гг. логики и психологии. Эти меры, внешне, казалось бы, несвязанные между собой, завершали к началу 1950-х гг. окончательное формирование такого единого типа средней школы, как «сталинская гимназия».

Эту точку зрения поддерживают и некоторые отечественные психологи, отмечавшие непосредственное прямое указание И.В. Сталина по переизданию учебника логики Г.И. Челпанова (для гимназий), по введению учебных предметов логики и психологии в школы в 1946 г. Сочувственным отношением вождя к психологии они объясняют и «тот поразительный факт, что в 30-40-е годы не пострадал почти никто из заметных психологов (если не считать психотехников). Во всяком случае, таких людских потерь, как во многих других науках, в психологии не было» [14, с. 109].

Действительно, до и во время Великой Отечественной войны в педагогических журналах стали появляться статьи, где говорилось о необходимости вернуть в учебные планы советских школ дисциплины – психологию и логику (Ф.И. Георгиев, К.Н. Корнилов, К.А. Рамуль, Н.А. Рыбников). Все они, так или иначе, выражали общую мысль, сказанную еще А.П. Нечаевым в 1911 г.: Самая скромная цель, которую может преследовать средняя школа, заключается в том, чтобы помочь ученику осмысленно пользоваться ходячими выражениями обыденной речи. <...>

Необходимо, чтобы они связывали с ними вполне ясные и отчетливые переживания. <...> Более глубокой задачей ...является проложение первых путей к созданию цельного мировоззрения учащихся. <...> ...изучая психологию, можно достигать объединения разнообразных знаний, составляющих содержание учебного курса средней школы, так как, во-первых, с психологической точки зрения могут быть разобраны многие явления, известные ученикам из литературы, грамматики, истории, морали, а во-вторых, для понимания основных методов современной психологии необходимо постоянно обращаться к элементам естествознания и математики» [17, с. 4]. Слова А.П. Нечаева в начале XX в. повторяли педагоги и психологи, писавшие о необходимости преподавания психологии в гимназиях, а К.Н. Корнилов, К.А. Рамуль, Н.А. Рыбников был участниками и свидетелями тех прошлых процессов.

В 1940 г. Н.А. Рыбников утверждал, что общий культурный рост страны требует соответствующих изменений в программе средней школы, включения в нее новых дисциплин. Ссылаясь на одно из методических совещаний в Наркомпросе, посвященных вопросу о программах по психологии, в частности, он выделяет мнения сторонников и противников этого предмета: «взять хотя бы беседы с учащимися о выборе профессии, работу по профориентации и т.д. Всякий раз на этих беседах, затрагивающих психологические темы, учащиеся выдвигают целый ряд вопросов, говорящих о наличии у них интереса к психологии, желании быть ориентированными в этих вопросах... Помимо огромного общеобразовательного значения, изучение психологии учащимися старших классов средней школы несомненно будет способствовать углублению и облегчению проработки целого ряда разделов программ средней школы. Преподаватели литературы особенно часто указывают, что психологическая ориентированность учащихся сильно помогла бы им в понимании внутреннего мира героев литературных произведений и тем самым углубила бы изучение литературоведческого материала... Изучение элементов психологии, особенно при соединении с элементами диалектической логики, несомненно, будет способствовать развитию у учащихся навыков отвлеченного мышления» [23, с. 92]. Он возмущался противниками введения психологии в школы, они, дескать, ссылаются на слабую подготовленность самой науки к тому, чтобы занять подобающее место в ряду других предметов средней школы, на перегруженность программы средней школы, на недоступность психологии для учащихся; сомневаются в той пользе, которую принесет такое включение и т.д.

К.А. Рамуль, профессор Тартуского университета, ставший советским профессором только в 1940 г., очень сдержанно подчеркнул важность формирования психологического знания у школьников. Выделяя несколько значимых позиций, говорящих «за» психологию в средних школах: ее общеобразовательное, воспитательное, практическое значение, ее доступность пониманию учащихся, общее состояние советской психологии, он заключил: «при отсутствии психологии в программах средней школы, окончившие ее не будут иметь достаточных знаний о явлениях психического мира; у них окажется также слабо развитым и самый интерес к этого рода явлениям и умение в достаточной мере в них разбираться. В результате отсутствия или недостаточности психологического образования, в связи с продолжительным односторонним интересом к явлениям неорганического мира, может явиться вообще ненаучное отношение к явлениям психического мира, склонность прибегать к теориям и допущениям, совершенно противоречащим основным данным и предпосылкам научной психологии» [22, с. 101].

Философ Ф.И. Георгиев указал на взаимоотношение логики и психологии (в соответствии с введением соответствующих новых дисциплин): «В результате преподавания названных дисциплин учащиеся смогут глубже овладеть основами науки, приобрести определенные навыки, умения, дисциплинировать свое мышление, ясно, последовательно, правильно строить свою мысль на основе знания общих логических законов и форм мышления» [7; с. 37].

В 1943 г. вышла статья профессора К.Н. Корнилова, носившая методический, программный характер для будущей дисциплины. Он отметил то благотворное влияние школьной психологии на преподавание психологии в высшей школе: «В настоящее время студенты университетов и педвузов приходят в вуз без каких бы то ни было знаний по психологии; поэтому в силу необходимости курс психологии приходится давать в самом элементарном виде. Теперь, когда студенты будут приходить в вуз после прослушивания и сдачи экзамена по психологии, курсу психологии можно будет придать более фундаментальный характер и предъявить к студентам более повышенные требования» [13, с. 17]. Надо отдать ему должное, он, почти единственный из многих, видел еще одну сторону психологии в школе: «введение психологии в среднюю школу сблизит психолога со школой. Психолог перестанет быть чуждым и немного подозрительным человеком для школы. До сих пор психолога пускали в школу с опасением: не педолог ли он? что и как он будет исследовать? – тем более, если он собирался экспериментировать. Вот почему в значительной мере тормозилось создание марксистской науки о детях. Можно

думать, что с введением психологии в среднюю школу будут созданы более здоровые и правильные предпосылки для изучения детской психологии» [13, с. 18]. Автор снова поднял вопросы, стоявшие перед психологами еще в 1905 г.:

- кто будет преподавать психологию? где взять и как подготовить этих преподавателей?

- в каком классе рационально преподавать психологию? какова должна быть длительность курса?

- какова должна быть программа курса? каков метод преподавания? что должен представлять собой учебник психологии средней школы?

Следовало объяснить исчезновение психологии как учебного предмета, благополучно существовавший когда-то в российской школе:

- «психология в дореволюционной школе преподавалась в той форме, которая была тогда господствующей, – как психология идеалистическая и метафизическая, считавшаяся нужной для поддержания “юношеского идеализма”, для борьбы с материалистическим мирозерцанием... Если принять во внимание, что и господствовавшая тогда эмпирическая психология являлась всецело продуктом капиталистического строя и была насквозь проникнута буржуазной идеологией, то станет ясным, какое содержание вкладывалось в программу психологии гимназического курса» [22, с. 99];

- «психология пользовалась скверной репутацией, как наука, оставшаяся последним убежищем идеализма. И, действительно, в начальный период строительства советской школы старая, идеалистическая психология не могла быть включена в систему общего образования, так как ни в малейшей степени не отвечала целям советского воспитания. Идеалистические традиции психологии находились в вопиющем противоречии с задачами воспитания подрастающего поколения в коммунистическом духе. Поэтому психология как учебный предмет, была изъята из средней школы» [13, с. 21];

- «В русской дореволюционной школе и в современной буржуазной школе преподавание этих предметов (*психологии и логики – прим. Н. Стоюхиной*) служило и служит средством внедрения идеализма и мещанской морали, а также религиозного мракобесия» [38, с. 8].

С оптимизмом авторы отмечали, что через 30 лет после победы революции психология методологически перестроилась, четко определила свои философские позиции, хотя «советским психологам пришлось преодолеть немало трудностей, заблуждений и ошибок, пока, наконец, в результате большого, напряженного коллективного труда, не были выработаны принципы советской научной психологии, отвечающей требованиям марксистско-ленинской теории» [11, с. 22], и благодаря достижениям советской научной

психологии настало время для введения психологии в программу средней школы.

Следует признать, что в основе введения психологии в школы, безусловно, лежал идеологическая подоплека, что подтверждает методическая литература по преподаванию психологии в школах, изданная после Постановления 1946 г.

В самом Постановлении ЦК ВКП (б) от 03.12.46 «О преподавании логики и психологии в средней школе» признается совершенно ненормальным, что в средних школах не изучается логика и психология, и считается необходимым ввести в течение четырех лет, начиная с 1947/48 уч.г., преподавание этих предметов во всех школах Советского Союза, – таким образом, завершается к началу 50-х гг. формирование единого типа средней школы. В 1947/48 и 1948/49 уч.г. преподавание психологии было введено в 598-ми средних школах.

Психология как учебная дисциплина «работала» на одну-единственную цель — воспитание нового, советского человека [28; 29; 32].

В методическом письме, подготовленном научно-исследовательским институтом психологии Академии педагогических наук РСФСР, декларировались следующие задачи курса психологии:

- дать учащимся систему фактических знаний по этому предмету: «дать понимание психики как свойства особым образом организованной материи, как отражения объективной реальности; дать картину развития психики и сознания на основе марксистско-ленинского учения; раскрыть общественно-историческую обусловленность сознания; показать значение научного объяснения психики в борьбе с религиозными представлениями, суевериями, различного рода предрассудками и другими пережитками капитализма в сознании людей» [1, с. 3];

- развивать у старшеклассников чувство национальной гордости за великие достижения русской науки в области познания сущности психических процессов и свойств личности; «показать учащимся высокий духовный облик советского человека, его цельность и внутреннее превосходство над людьми, проникнутыми буржуазной идеологией, обрисовать важнейшие качества советского человека..., показать формирование этих качеств в условиях социалистического строя, подчеркнуть бурный рост талантов и способностей в стране победившего социализма» [1, с. 4];

- помочь учащимся в познании психической жизни людей, в оценке поступков и мотивов поведения человека с позиций коммунистической морали; побудить учащихся к познанию самих себя, «указать пути сознательного формирования своих интересов, способностей, воли, характера, сознательного

самовоспитания, воспитать в себе лучшие качества советского человека» [1, с. 5].

Вышло множество методических статей, пособий, учебной литературы, авторами которых были В.Н. Колбановский, К.Н. Корнилов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.А. Размыслов, К.А. Рамуль, Н.А. Рыбников, Ю.А. Самарин, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов, Г.А. Фортунатов, М.Г. Ярошевский. Заметно выделялась статья Б.Г. Ананьева «О воспитательных задачах преподавания психологии», опубликованная в 1948 г. в сборнике методических материалов «В помощь преподавателю психологии в средней школе», изданного тиражом 10 тысяч экземпляров. Статья открывала сборник и носила программный характер [27; 29].

Обращают внимание идеологические ударения и акценты, присущие тому времени – времени выхода статьи Б.Г. Ананьева. Психология вводится в последнем классе школы, и Б.Г. Ананьев предостерегает от сведения ее к ранее пройденным дисциплинам, настаивает на строго научном подходе к ее преподаванию. Он отмечает, что целью изучения этого предмета должно стать обобщение и завершение школьных знаний о человеке и его сознании: психология «должна преподаваться как система научных знаний о психических процессах и сознании личности» [1, с. 6]. Важным, на его взгляд, является ознакомление учащихся с психологическими методами исследования, потому что «усвоение знаний о методах психологического познания имеет мировоззренческое значение, поскольку рушит легенду о непознаваемости психического, опровергая идеалистические “теории” о самодеятельном и самодвижущемся “духе”. Перед учащимися должны быть раскрыты еще и те методы, которые обеспечивают научный, следовательно, материалистический, характер современных психологических знаний» [там же].

Помимо основной задачи – *воспитание через предмет идейной направленности* – Б.Г. Ананьев выделяет еще две задачи преподавания психологии в средней школе:

- *формирование у учащихся способности понимать других людей, их индивидуальное своеобразие и, опираясь на это, правильно строить с ними отношения.* Он отметил, что «усвоение психологических знаний поднимает на уровень теоретического научного знания отношения молодого человека к другим людям, вооружает его средствами познания людей и их индивидуальных особенностей... Познание других людей, возможность разобраться в мотивах их деятельности, способностях, в интересах, склонностях, чертах характера, умение индивидуально подойти к человеку - ко всему этому в известной мере должна теоретически подготовить учащихся

психология» [1, с. 7]. Необходимо также раскрывать перед учениками различные сферы применения психологии – в области воспитания, образования, труда, искусства, спорта, военного дела и т.д.

- *формирование самосознания учащихся, их способности к саморегуляции и саморазвитию*. Б.Г. Ананьев подчеркивал, что «сознательное усвоение психологических знаний учащимися неизбежно влияет на рост самосознания молодых людей, способствует овладению ими собственными нервно-психическими процессами и действиями... Учащиеся должны приучаться не только к анализу собственных психических процессов и индивидуальных качеств, но и к активному воздействию на них с целью развития в себе ценных качеств ума, воли и характера» [1, с. 8]. Он считал, что усвоение знаний о закономерностях памяти, речи, внимания, мышления приведут учащихся к самостоятельной сознательной работе над собой и, в конце концов, станет «жизненно важной проблемой для молодого человека в результате сознательного усвоения им психологических знаний. Эта работа должна быть самым существом курса психологии...» [1, с. 9].

Обозначение такой задачи, как *индивидуальный подход к людям*, было в то время необычным, новым. Об этом не было сказано никем из авторов многочисленных методических статей. Своевременностью и адресной точностью отличается третья задача – *самовоспитание*. Как известно, именно в подростковом возрасте человек испытывает к себе глубокий интерес, смешанный с самокритичным отношением, и именно в это время ему предоставляются как раз те знания, овладев которыми, он может совершенствоваться.

Ю.А. Самарин, возглавлявший работу над методикой преподавания психологии в Ленинградском филиале Академии педагогических наук, также особо отметил воспитательную задачу нового учебного предмета «как задачу воспитания характера учащихся, путем разъяснения закономерностей развития психических процессов и свойств личности и раскрытия путем воспитания в себе необходимых качеств советского человека», взаимосвязанных между собой, «ибо коммунистическое мировоззрение предъявляет требования к характеру советского человека и в свою очередь воспитание характера основано на выработке стойких убеждений в... на формировании коммунистического мировоззрения» [24, с. 12]. В связи с этим учитель должен показать «моральную сторону лучших людей человечества, ...благородный облик советского человека» [24, с. 17] на примерах главных героев советской литературы таких, как Олег Кошевой, Павка Корчагин, летчик Мересьев и др., а также дать «некоторые практические указания о том, как работать над

развитием своих способностей, как воспитывать свою волю и характер, как управлять своим вниманием и памятью, как овладеть собой» [24, с. 20].

В методической литературе по психологии для школ 1940-50-х гг. хорошо видны приметы того времени: дети с оккупированных территорий могли воспринять чуждую идеологию, поэтому была необходима контрпропаганда; потеря научных ресурсов СССР в годы войны (из научных учреждений, оказавшихся в зоне временной оккупации или в районах, близких к фронту, пострадали треть от общего довоенного числа научных учреждений, полностью или частично были разрушены 334 вуза) требовала восполнения; логика вскоре развернувшейся «холодной войны», основной идеологический и пропагандистский пресс которой был направлен на собственное население. Все это происходило на фоне известных послевоенных изменений в СССР: «После Второй мировой войны советскому руководству было значительно сложнее контролировать ментальность советских граждан. Хотя аппарат цензуры оставался в силе, слишком много людей познали жизнь за пределами Советского Союза, чтобы советские нормы оставались единственными нормами, а советский образ жизни – лучшим. Саму войну нельзя было уместить в границах отечества (российского или же советского) – она затронула слишком много других людей и ее последствия сформировали не только страну, но и весь мир» [26, с. 447]. «Во время войны советскую власть стало представлять не только репрессивное государство. Ее теперь олицетворяли и солдаты. Миллионы солдат вырвались из-под повседневной опеки партийного аппарата, они привыкли, что никакое дело не двигается, если не взять его в свои руки. С какой же стати им было славить за то, чего достигли они сами, партию и ее вождя? Они побывали завоевателями за границей и собственными глазами видели, что даже побежденные живут лучше победителей. Никакая ложь не могла их теперь убедить в превосходстве их государственного и общественного строя. ... Режим чувствовал, что потеряет контроль над ситуацией, если не пресечет в корне протесты и сопротивление. Никто лучше Сталина не видел необходимость закрыть шлюзы, откуда изливалась критика. Солдаты и офицеры надеялись, что режим вознаградит их за службу отечеству и будет обращаться с ними как со взрослыми, зрелыми людьми. Но Сталин и помыслить не мог о подобном компромиссе. Тот, кто показывает слабость, ставит на карту свою власть. Благодарить за исход войны должны его одного. Победу надо воспевать не как жертву народа, а как великое деяние вождя. Подданные не покорились бы добровольно. Поэтому режим и после войны продолжал прибегать к насилию, дабы сделать послушными людей, не желавших перед ним склоняться» [3, с. 344]. Победа в войне породила в народе

надежды на лучшую жизнь, на изменения, в первую очередь, на ослабление давления государства на личность, но оказалось, что созданная И.В. Сталиным система еще более окрепла, что выразилось в новом витке репрессий, «Ленинградском деле», кампании по борьбе с «космополитами», жесткой критике творческой интеллигенции, восстановлении «железного занавеса» и т.д. – все это было направлено на взрослых, чтобы вернуть им довоенное состояние страха. Философ и культуролог Г.С. Померанц, вспоминая то время, писал о своем ощущении рухнувшей воли, «словно потерял костяк и остался мешком с паклей» [21, с. 130]. Он замечает, что подобное чувствовали и другие: «многие демобилизованные солдаты и офицеры потеряли тогда упругость воли, нажитую на войне, и стали как тряпка, как ветошка, которыми можно вытирать пол. <...> кажется, в 47-м перестали платить орденские деньги (очень скромные) и отменено было право бесплатного проезда на трамвае. Этим даже внешне, официально была подведена черта... Вы воображали себя чем-то? Вы – ничто, вы значите что-то только после единицы, после Сталина. Три мертвых года после войны. Я тогда ужасно много спал. Словно хотел совсем заснуть и не проснуться» [21, с. 130].

На школьников же обрушивалась советское образование, начиненное деятельной пропагандой; уроки психологии не были здесь исключением.

Но хорошее все же было, и историк культуры М.Л. Майофис, показывая значимость периода 1944-1950 гг. в истории послевоенного среднего образования, установила его «непосредственную связь с образовательными инновациями 1960-1970-х г., обеспечивших лучшие достижения советской и постсоветской школы 1980-2010-х гг.» [16, с. 37], куда относятся: введение самостоятельной работы школьников, возникновение интереса к американской педагогике, введение 11-го педагогического класса, «изобретение» индивидуального подхода. Сюда, как нельзя лучше, вписывается и преподавание психологии в старших классах.

В целом можно говорить о том, что история преподавания психологии в отечественных школах в середине XX в. пока представляет собой terra incognita, лишь отдельные ее фрагменты медленно проступают сквозь толщу идеологии. Нагружать идеологией учебную дисциплину – плохая идея, но почему бы старшеклассникам не открыть путь к познанию себя...

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. О воспитательных задачах преподавания психологии / В помощь преподавателю психологии в средней школе. Сборник методических материалов. Под ред. члена-корр. АПН проф. Б.Г. Ананьева. Л., 1948. 108 с. С. 3-10.
2. Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20–22 октября 2015 г. / отв. ред. В.М. Аллахвердов. СПб.: СПбГУ, Скифия-принт, 2015. 396 с.
3. Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 487 с.
4. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в 40-е гг. // Философия не кончается. Из истории отечественной философии: XX век, 20-50-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. 719 с.
5. Бирюков Б.Б. Трудные времена философии: отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные и первые послевоенные годы. М.: Ком Книга, 2006. 160 с.
6. Богуславский М.В. XX век российского образования. М.: ПЕР СЭ, 2002. 336 с.
7. Георгиев Ф.И. О взаимоотношении логики и психологии // Советская педагогика. 1942. № 11-12. С. 37-41.
8. Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / под ред. проф. В.В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001. 256 с.
9. Каничева Р.А., Ярмоленко А.В. Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал. 1985. № 6. С. 3-7.
10. Кобзарь В.И. Очерк истории логики в России // Логика. Библиографический справочник (Россия-СССР-Россия). СПб.: Наука, 2001. 488 с. С. 10-13.
11. Колбановский В. Об изучении психологии и логики // Народное образование. 1947. № 3. С. 21-30.
12. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН, 2006.
13. Корнилов К.Н. О преподавании психологии в средней школе // Советская педагогика. 1943. № 8-9. С. 17-19.
14. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколов Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.
15. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Издательство Московского университета, 2001. 240 с.

16. Майофис М. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени / Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е): Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с. С. 35-106.
17. Нечаев А. Как преподавать психологию? Методические указания для учителей средних учебных заведений. СПб., 1911. 72 с.
18. Носкова О.Г. История психологии труда в России. (1917-1957). Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд. Моск ун-та, 1997. 334 с.
19. Носкова О.Г. Психология труда. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 384 с.
20. О преподавании психологии в средней школе: методическое письмо МП РСФСР. М: Учпедгиз, 1949. 63 с.
21. Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 464 с.
22. Рамуль К.А. О преподавании психологии в средней школе // Советская педагогика. 1941. № 4. С. 100-104.
23. Рыбников Н.А. Преподавание психологии в средней школе // Советская педагогика. 1940. № 8. С. 91-99.
24. Самарин Ю.А. О задачах и методике преподавания психологии / В помощь преподавателю психологии в средней школе. Сборник методических материалов. Под ред. члена-корр. АПН проф. Б.Г. Ананьева. Л., 1948. 108 с. С. 11-38.
25. Складорова Е.К., Камалова О.Н., Гутиева М.А., Карташев А.В. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Под ред. Е.В. Харламова, Л.В. Жарова. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2016. 122 с.
26. Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. К.: Дуліби, 2015. 584 с.
27. Стоюхина Н.Ю. Б.Г. Ананьев о месте и значении психологии как учебного предмета в школе / Ананьевские чтения – 2007: Материалы научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Цветковой. СПб: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 358-359.
28. Стоюхина Н.Ю. Возвращение психологии в отечественную школу (40-50-е гг. XX ст.): историко-психологический контекст // Психология и школа. 2009. № 4. С. 84-90.

29. Стоюхина Н.Ю. Из истории преподавания психологии в советской школе: уроки психологии как элемент гражданской идентичности школьников в СССР // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы восьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М.В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 200 с.
30. Стоюхина Н.Ю. К 60-летию выхода статьи Б.Г. Ананьева «о воспитательных задачах преподавания психологии» / Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 603 с. С. 98-103.
31. Стоюхина Н.Ю. Методика преподавания психологии: история, теория, практика: Учебное пособие. М.: Флинта, 2009. – 184 с.
32. Стоюхина Н.Ю. О причинах возобновления уроков психологии после Великой Отечественной войны: история и предположения // Вестник Университета Российской Академии образования. 2008. № 3. С. 129-132.
33. Стоюхина Н.Ю. Преподавание психологии в системе отечественного образования: история и современность. Монография. Н. Новгород: Нижегородский институт экономического развития, 2005. 306 с.
34. Стоюхина Н.Ю. Преподавание психологии в школе: Россия, XX век. Хрестоматия. Нижний Новгород: Нижегородский институт экономического развития, 2004. 314 с.
35. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. монография. Ярославль: РИО: ЯГПУ, 2016. 429 с.
36. Стоюхина Н.Ю. Психотехники в 1936 г.: новые факты // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 2. М.: АСОУ, 2018. 955 с. С. 525-536.
37. Стоюхина Н.Ю., Вакуленко Р.Я., Проскуликова Л.Н. Психология в послевоенной школе в СССР как элемент гражданской идентичности учащихся // Вестник Мининского университета. 2016. № 4. С. 1-15.
38. Ярошевский М.Г. Психология и логика в средней школе // Народное образование. 1949. № 5. С. 8-14.

References:

1. Anan'ev B.G. O vospitatel'nykh zadachakh prepodavaniya psikhologii / V pomoshch' prepodavatelyu psikhologii v srednei shkole. Sbornik

- metodicheskikh materialov. Pod red. chlena-korr. APN prof. B.G. Anan'eva. L., 1948. 108 s. S. 3-10.
2. Anan'evskie chteniya – 2015: Fundamental'nye problemy psikhologii: materialy nauchnoi konferentsii, 20–22 oktyabrya 2015 g. / otv. red. V.M. Allakhverdiv. SPb.: SPbGU, Skifiya-print, 2015. 396 s.
 3. Baberovski I. Vyzhzhennaya zemlya: Stalinskoe tsarstvo nasiliya. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 487 s.
 4. Batygin G.S., Devyatko I.F. Sovetskoe filosofskoe soobshchestvo v 40-e gg. // Filosofiya ne konchaetsya. Iz istorii otechestvennoi filosofii: XX vek, 20-50-e gg. M.: ROSSPEN, 1998. 719 s.
 5. Biryukov B.B. Trudnye vremena filosofii: otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl' v predvoennye i pervye poslevoennye gody. M.: Kom Kniga, 2006. 160 s.
 6. Boguslavskii M.V. XX vek rossiiskogo obrazovaniya. M.: PER SE, 2002. 336 s.
 7. Georgiev F.I. O vzaimootnoshenii logiki i psikhologii // Sovetskaya pedagogika. 1942. № 11-12. S. 37-41.
 8. Deti emigratsii: Vospominaniya. Sbornik statei / pod red. prof. V.V. Zen'kovskogo. M.: Agraf, 2001. 256 s.
 9. Kanicheva R.A., Yarmolenko A.V. Leningradskie psikhologi v gody voyny // Psikhologicheskii zhurnal. 1985. № 6. S. 3-7.
 10. Kobzar' V.I. Ocherk istorii logiki v Rossii // Logika. Bibliograficheskii spravochnik (Rossiya-SSSR-Rossiya). SPb.: Nauka, 2001. 488 s. S. 10-13.
 11. Kolbanovskii V. Ob izuchenii psikhologii i logiki // Narodnoe obrazovanie. 1947. № 3. S. 21-30.
 12. Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. Sovetskaya psikhologicheskaya nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945). M.: Moskovskii gumanitarnyi universitet, Institut psikhologii RAN, 2006.
 13. Kornilov K.N. O prepodavanii psikhologii v srednei shkole // Sovetskaya pedagogika. 1943. № 8-9. S. 17-19.
 14. Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolov E.E. Aleksei Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'. M.: Smysl, 2005. 431 s.
 15. Luriya A.R. Etapy proidennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya. Pod red. E.D. Khomskoi. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 240 s.
 16. Maiofis M. Predvestiya «ottepeli» v sovetskoj shkol'noi politike pozdnestalinskogo vremeni / Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940-1980-e): Kollektivnaya monografiya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 720 s. S. 35-106.

17. Nechaev A. Kak prepodavat' psikhologiyu? Metodicheskie ukazaniya dlya uchitelei srednikh uchebnykh zavedenii. SPb., 1911. 72 s.
18. Noskova O.G. Istoriya psikhologii truda v Rossii. (1917-1957). Ucheb. posobie / Pod red. E.A. Klimova. M.: Izd. Mosk un-ta, 1997. 334 s.
19. Noskova O.G. Psikhologiya truda. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / Pod red. E.A. Klimova. M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2004. 384 s.
20. O prepodavanii psikhologii v srednei shkole: metodicheskoe pis'mo MP RSFSR. M: Uchpedgiz, 1949. 63 s.
21. Pomerants G.S. Zapiski gadkogo utenka. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 464 s.
22. Ramul' K.A. O prepodavanii psikhologii v srednei shkole // Sovetskaya pedagogika. 1941. № 4. S. 100-104.
23. Rybnikov N.A. Prepodavanie psikhologii v srednei shkole // Sovetskaya pedagogika. 1940. № 8. S. 91-99.
24. Samarin Yu.A. O zadachakh i metodike prepodavaniya psikhologii / V pomoshch' prepodavatelyu psikhologii v srednei shkole. Sbornik metodicheskikh materialov. Pod red. chlena-korr. APN prof. B.G. Anan'eva. L., 1948. 108 s. S. 11-38.
25. Sklyarova E.K., Kamalova O.N., Gutieva M.A., Kartashev A.V. Vuzy Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny / Pod red. E.V. Kharlamova, L.V. Zharova. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh YuFU APSN, 2016. 122 s.
26. Snaider T. Krovavye zemli: Evropa mezhdru Gitlerom i Stalinym. K.: Dulibi, 2015. 584 s.
27. Stoyukhina N.Yu. B.G. Anan'ev o meste i znachenii psikhologii kak uchebnogo predmeta v shkole / Anan'evskie chteniya – 2007: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii / Pod red. L.A. Tsvetkovoii. SPb: Izd-vo SPbGU, 2007. S. 358-359.
28. Stoyukhina N.Yu. Vozvrashchenie psikhologii v otechestvennyyu shkolu (40-50-e gg. KhKh st.): istoriko-psikhologicheskii kontekst // Psikhologiya i shkola. 2009. № 4. S. 84-90.
29. Stoyukhina N.Yu. Iz istorii prepodavaniya psikhologii v sovetskoii shkole: uroki psikhologii kak element grazhdanskoii identichnosti shkol'nikov v SSSR // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyakh modernizatsii: materialy vos'moi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) / pod nauch. red. M.V. Novikova. Yaroslavl': RIO YaGPU, 2016. 200 s.
30. Stoyukhina N.Yu. K 60-letiyu vykhoda stat'i B.G. Anan'eva «o vospitatel'nykh zadachakh prepodavaniya psikhologii» / Metodologiya kompleksnogo

- chelovekoznaniya i sovremennaya psikhologiya / Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2008. 603 s. S. 98-103.
31. Stoyukhina N.Yu. Metodika prepodavaniya psikhologii: istoriya, teoriya, praktika: Uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2009. – 184 s.
 32. Stoyukhina N.Yu. O prichinakh vozobnovleniya urokov psikhologii posle Velikoi Otechestvennoi voyny: istoriya i predpolozheniya // Vestnik Universiteta Rossiiskoi Akademii obrazovaniya. 2008. № 3. S. 129-132.
 33. Stoyukhina N.Yu. Prepodavanie psikhologii v sisteme otechestvennogo obrazovaniya: istoriya i sovremennost'. Monografiya. N. Novgorod: Nizhegorodskii institut ekonomicheskogo razvitiya, 2005. 306 s.
 34. Stoyukhina N.Yu. Prepodavanie psikhologii v shkole: Rossiya, KhKh vek. Khrestomatiya. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii institut ekonomicheskogo razvitiya, 2004. 314 s.
 35. Stoyukhina N.Yu. Psikhologiya vozdeistviya v sovetskoj psixotekhnike: 1920-1930-e gg. monografiya. Yaroslavl': RIO: YaGPU, 2016. 429 s.
 36. Stoyukhina N.Yu. Psixotekhniki v 1936 g.: novye fakty // Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii. Vyp. 2. M.: ASOU, 2018. 955 s. S. 525-536.
 37. Stoyukhina N.Yu., Vakulenko R.Ya., Proskulikova L.N. Psikhologiya v poslevoennoi shkole v SSSR kak element grazhdanskoj identichnosti uchashchikhsya // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 4. S. 1-15.
 38. Yaroshevskii M.G. Psikhologiya i logika v srednei shkole // Narodnoe obrazovanie. 1949. № 5. S. 8-14.

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)